

Глава 1

Гряда скал возвышалась прямо посреди бескрайней степи, будто какой-то великан в шутку зашвырнул сюда их, как игрушку. Едва татары заметили утесы, как тут же снова пришпорили загнанных коней, чтобы укрыться за раскаленными от солнца камнями, пока не показались преследователи.

Старый бородатый казак, который ехал рядом с Сергеем Васильевичем Тарловым, расплылся в улыбке:

— Вишь, капитан, все будет, как я тебе сегодня утром предсказывал. Молодчики-то здесь в западню угодили!

Сергей кивнул, хотя все еще сомневался, что маневр удастся:

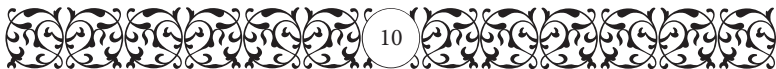
— Будем надеяться, что Иван со своими людьми уже там, иначе разбойники засядут в скалах и мы уйдем несолоно хлебавши. Через час солнце зайдет, и в темноте они смогут ускользнуть.

— Татары, похоже, здесь останутся! — Казак указал на утес, заметив, что оттуда кто-то машет им.

Сергей не смог рассмотреть хорошо, что было в руке махавшего, но ему показалось, что это была треуголка вахмистра. Капитан попридержал свою норовистую, но выносливую лошадь, которую называл Мошка, и приказал казакам развернуться в цепь.

— Следите за тем, чтобы молодчики не прорвались сквозь оцепление: крысы чувствуют, что их загнали в угол!

Казаки засмеялись, сочтя это удачной шуткой, взяли на изготовку кремневые ружья и карабины и рассредоточились широкой цепью, края которой постепенно загибались, образуя полукольцо, — надо было прижать татар к утесам. Делалось это так слаженно, что Сергей, удовлетворенный, еще раз кивнул. С такими людьми он смог бы подавить любой мятеж. Казаки преследовали последних бунтовщиков, которые еще не сложили оружие перед царскими войсками. Сергей хотел, чтобы татары сдались уже сегодня.

Пока Сергей Тарлов, капитан армии его величества российского царя, наблюдал за маневром казаков, Менгюр-хан, предводитель татар, оглянулся и заметил, что преследователи отстали и, растянувшись длинной цепью, явно пытаются прижать врага к утесам. Он ухмыльнулся: гряда скал была довольно протяженной и изрезанной ущельями, так что будь у хана даже вдвое больше людей, татары не смогли бы успешно охранять подходы к этому укрытию. Но под покровом ночи Менгюр и его люди смахнули бы русских солдат, как надоедливых мух, и беспрепятственно вернулись бы на свои земли. Хан кивнул своим воинам и направил лошадей меж двух высоких утесов.

В тот же момент раздался резкий крик:

— Стой!

Одновременно из засады показались двенадцать человек с ружьями и направили дула на татар.

Менгюр так резко осадил лошадь, что Китцак, его зять и правая рука, налетел на него. Пока хан пытался удержаться в седле вставшей на дыбы лошади, Китцак вынул стрелу и натянул тетиву. Сразу же ружья нацелились на него.

— Бросай оружие! — приказал кто-то по-русски.

Китцак перевел слова татарам, которые не понимали вражеского языка.

Раздались негромкие проклятия, кто-то из татар пускал стрелы в наступающую цепь казаков, потому что впереди врагов надежно укрывали скалы. Почти все татарские воины целились в русского капитана. Треуголка и форменная одежда зеленого цвета отличали его от казаков, одетых в длинные кафтаны с нашитыми патронташами, широкие штаны и меховые шапки всевозможных расцветок и форм. Этот офицер символизировал протянувшуюся и сюда руку ненавистного русского царя.

Один из казаков указал на падающие перед цепью стрелы:

— Вам бы отъехать назад, господин капитан, а то эти разбойники и попасть в вас могут!

Сергей покачал головой. Он хотел довести дело до конца, здесь и сейчас, тогда он смог бы уехать из этой Богом забытой Сибири. На западе России назревала война, и это было намного опаснее, чем бунт пары тысяч вогулов, остяков и татар. Сергея бро-

сало в дрожь при воспоминании о сокрушительном поражении под Нарвой семь лет назад. Петру Алексеевичу Романову с тех пор удалось отбить у шведов часть Ингерманландии¹, но он до сих пор воевал с разрозненными подразделениями шведской армии. Главные силы шведов находились на территории Польши² и Саксонии, где объединились с армией уже не такого сильного Августа. Но все понимали, что шведский король только и ждет подходящего момента, чтобы напасть на Россию, свергнуть с престола царя и заточить его в монастырь.

Сергей мечтал вернуться в свой полк, вместо того чтобы драться с восставшими сибиряками, которые намеревались использовать войну на западе с пользой для себя, считая, что русское войско не столь сильно, как раньше. Несмотря на угрозу нападения шведов на северо-западной границе, царь в срочном порядке направил Павла Николаевича Жоровцева, одного из своих лучших генералов, на восток для подавления мятежа. И это в основном удалось. Но генерал не стал дожидаться завершения операции: получив дурные известия, он перебросил большую часть своих войск форсированным маршем на запад, препоручив утихомирить остатки мятежников трем ротам солдат и местным казакам.

Стрела просвистела над головой Сергея — ему стало ясно, что пришла пора действовать решительно, иначе успех уйдет, как вода сквозь пальцы. Он привстал в стременах и выстрелил из пистолета, чтобы привлечь внимание татар.

— Вы в ловушке! Сдавайтесь, иначе все погибнете.

Воцарилась мертвая тишина. Сергей спрашивал себя: хватит ли мятежникам отваги стоять до последнего и всем погибнуть? А может, они не знают русского языка и не могут его понять? Когда он подозвал казака, который должен был перевести его слова, один из татар выкрикнул:

— А ты клянешься пощадить мой род, если мы сложим оружие?

¹ Ингерманландия — исторический регион на берегах Невы, между Ладожским озером и Финским заливом.

² Автор имел в виду государство Речь Посполитая, просуществовавшее до 1775 года.

Вопрос был резонный, потому что отряды казаков, как волчьи стаи, напали на безоружных жителей восставших деревень и рубили в кровавом угаре всех, кто попадал под саблю.

Сергею во время прежних вылазок удавалось держать своих людей в узде. И в этот раз он не хотел допустить бойни.

— Если ты присягнешь на верность царю, заплатишь ясак и отдашь нам старшего сына в знак смирения, с твоими людьми ничего не случится!

Слова Сергея ввергли Менгюр-хана в глубокую печаль. Жены родили ему столько дочерей, что он устал их считать, но сыновей было только двое. Багадур — старший — погиб в родовой усьобице. А младшему недавно исполнилось четыре года. Отдать этого ребенка врагу значило обречь его на смерть от болезней или по причине недостаточного ухода. И даже если ханский сын выживет, они сделают из него русского, и он позабудет Аллаха и станет падать на колени перед разукрашенными золотом попами и лизать им руки, как собака.

Менгюр обратился к своему шурина, в отчаянии взмахнув рукой:

— Посоветуй, что мне делать!

Китцак пристально смотрел на казаков, ружья которых в любой момент могли разрядиться смертельным градом свинца. Он знал, что это была единственная возможность спасти их жизни и род Менгюра.

— Ты должен выполнить их требование, Менгюр. Аллах справедлив, он защитит Угхура или пошлет тебе еще одного сына.

— Аллах не помог нам в этой войне, поможет ли он нам потом? — в запале ответил хан и сам испугался своих крамольных слов.

В глубине души он прекрасно понимал, что Китцак прав. Ему ничего другого не оставалось, как испить горькую чашу до дна. После недолгой внутренней борьбы, смирившись, он опустил голову.

— Казаки, мы сдаемся! — Менгюр едва не задохнулся от злости, произнося эти три слова.

В отчаянии он отбросил в сторону кремневое ружье, которое выменял у русского торговца за связку собольих шкур, и двинулся с поднятыми руками к русскому офицеру.

Сергей с облегчением вздохнул, когда увидел, что татары последовали за своим вожаком. Их было всего человек восемьдесят, но Сергею и его людям они доставили больше хлопот, чем все мятежники вместе взятые. Число казаков пришлось увеличить, так что их стало в четыре раза больше, чем татар, которых преследовали по степи весь день. Татар удалось заманить в ловушку только благодаря тому, что казаки знали эту местность лучше, чем они.

С едва уловимым чувством превосходства Сергей осматривал серые от изнеможения лица мятежников. Большинство повстанцев были ранены, но они не сдерживали ярости — ведь их так и не смогли победить, а взяли только хитростью. Сергей ощущал себя таким же измотанным и опустошенным, как и его пленники, но не мог показать слабину. По-военному крепко сидя в седле, он приказал казакам связать татар, перед тем дав им возможность перевязать раны. Потом Сергей спрыгнул с лошади и выслушал доклад своего вахмистра, белокурого коренастого мужчины среднего роста с широким, будто высеченным из дерева лицом, судя по которому его владельцу можно было дать вдвое больше лет, чем ему было на самом деле.

— Если бы вы, господин капитан, пригнали сюда татар на пару минут раньше, ничего бы не вышло. Мы заметили молодчиков на горизонте, когда уже подъезжали к утесам. Если бы татары больше смотрели на то, что их ждет впереди, а не оглядывались на вас, они наверняка что-нибудь заподозрили бы, — сказал Иван Добрович, которого все называли просто Ваней.

Он был горд тем, что план его командира сработал и в том была и его заслуга. Сергей с благодарностью похлопал его по плечу:

— Ты и твои люди все сделали правильно! Мы поймали мятежников, понеся потери. Генерал Жоровцев будет нами доволен.

Ваня пренебрежительно махнул рукой:

— Откуда ему знать! Он, наверное, уже отправился в обратный путь и вряд ли думает сейчас о недобитых сибирских разбойниках. Но господин Мендарчук, который здесь комендантом, наверняка не пожалеет для нас водки. — Вахмистр в предвкушении облизнул губы и вспомнил, что в седельной сумке у него

имеется полбутылки. — У меня еще есть глоточек, Сергей Васильевич. Не хотите ли составить компанию?

Ваня не стал дожидаться ответа и побежал к утесам, за которыми его люди прятали лошадей.

Сергей сейчас думал не о водке, а о предстоящем разговоре с пленным ханом, которого подвели к нему двое казаков, и пытался придать своему лицу как можно больше серьезности.

— Ты очень просчитался, подняв оружие против войска его величества. Вы заплатили за это множеством убитых и раненых воинов!

Менгюр слушал молодого офицера прищурившись. Русский был выше татарина почти на голову, ладно сидевшая форма подчеркивала ширину его плеч, делала его еще выше и стройнее. Из-за голубых мальчишеских глаз черты его лица казались мягче, а сам он выглядел совсем юным. «Этот вояка — еще сосунок, — раздраженно подумал хан. — И как я попался на его уловку! Русскому мальчишке удалось заманить меня в ловушку, как простака. Меня, опытного воина, победившего много родов!» Менгюру уже чудилось, что предводители татарских родов подшучивают над ним. Как бы ему хотелось сейчас схватить этого юнца и проломить ему череп! Но хан понимал, что любое неосторожное движение приведет к серьезным последствиям — псы русского царя не знают пощады.

В душе хан бунтовал, не желая признавать превосходство этого русского, но у него не было выбора. Менгюру пришлось склонить голову и изобразить на лице покорность:

— Ты победил нас, великий воин, и сейчас я прошу тебя о милости. Наши женщины и дети голодают в степи, а враги подкрадываются к орде, как волки к стаду овец. Позволь нам уйти, и мы будем восхвалять твое имя вовеки!

— Я никак не могу этого сделать, вы пошли против царя и должны за это понести наказание.

Сергей внимательно смотрел на хана и дивился тому, что тот бегло говорит по-русски. Сибиряки, которых он до этого видел, пытались общаться на его родном языке, молили едва понятную тарабарщину. Но этот татарин говорил так, будто долгое время провел в Москве, а ведь местность, где жил его род, лежала за